

внимание к делам призрения, а вместе с тем и сама деятельность в этой области» [Максимов 1895: 103]. Таким образом, в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. благодаря земской деятельности сложилась эффективно действующая система помощи

детям и их защиты, которая носила достаточно разнообразный характер.

Статья публикуется в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (Договор № 14.Z56.14.4287-МК).

Литература

Кобзева Т.А. 2012. Земская система здравоохранения. – *Власть*, № 11. С. 187-190.

Максимов Е.Д. 1895. *Очерки земской деятельности в области общественного призрения*. – СПб.

Стойкова Н. Я. 1917. *Доходы и расходы земств 34 губерний по сметам на 1901 г., 1906 г., 1911 г., 1914 г.* – СПб.: Типография Товарищества п.ф. «Электротипография».

УДК 94(47)

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич –

к.и.н., старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН 670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6 seva91@yahoo.com

ГЕОПОЛИТИКА И ЕВГЕНИКА В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг. GEOPOLITICS AND EUGENICS IN THE CONTEXT OF THE SCIENTIFIC STUDY OF THE BURYAT- MONGOLIAN ASSR IN THE 1920s – EARLY 1930s

В октябре 1925 г. правительство Бурят-Монгольской АССР инициировало попытку включения территории республики в сферу деятельности Комиссии по научному исследованию Монголии при СНК СССР. В основе этих действий лежал комплекс геополитических факторов, раскрываемый автором статьи на основе архивных материалов Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Просматривается желание повысить статус национальной автономии в глазах центрального правительства и привлечь централизованное финансирование для решения насущных социально-экономических проблем региона. В программе научного исследования Бурят-Монголии, включенной в сферу деятельности Комиссии в конце 1925 г., преобладают исследования, носившие выраженный евгенический характер. На примере Бурят-Монгольской антропологической экспедиции 1931 г. и ряда других автор дает объяснение актуальности расологических и евгенических исследований в тот период и связывает их не только с внутренними социальными проблемами Бурят-Монголии, но и с более широким мировым контекстом евгенических теорий.

Ключевые слова: Монголия, Бурят-Монголия, геополитика, Ленско-Байкальская область, национальная автономия, научное изучение, производительные силы, человеческий потенциал, евгеника, расологические исследования

In October, 1925 the government of the Buryat-Mongolian ASSR attempted to include the republic in the scope of activity of the Commission for the scientific study of Mongolia under the auspices of the Council of the People's

Commissars of the USSR. On the basis of archival sources from the funds of the State Archive of the Republic of Buryatia the author exposes a knot of geopolitical factors behind this attempt. Thus, in their striving to get into the scope of activities of an international commission for studying the country within the geopolitical interest zone of the USSR the leaders of Buryat-Mongolia attempted to inflate the status of their national autonomy in the eyes of central government and secure governmental funding for the solution of acute regional socio-economic problems.

In the scientific agenda of Buryat-Mongolia included into the scope of activities of the Commission in late 1925 there was a definite prevalence of eugenic studies. Based on the example of the 1931 Buryat-Mongolian anthropological expedition and a number of earlier scientific and medical ventures the author seeks to explain the topicality of racial and eugenic studies in that period and provides a connection not only with internal social problems of Buryat-Mongolia, but also with the wider context of global eugenic theories.

Keywords: Mongolia, Buryat-Mongolia, geopolitics, Lena-Baikal region, national autonomy, scientific study, productive forces, human potential, eugenics, racial research

20 октября 1925 г. председатель СНК Бурят-Монгольской АССР М.Н. Ербанов направил в московское представительство республики телеграмму, в которой содержалось задание срочно установить контакты с руководителями Комиссии по научному исследованию Монголии при СНК СССР. Главной задачей бурятской автономии интересовала возможность включения Бурят-Монголии в сферу деятельности этой комиссии. В случае положительного решения республика получала шанс на проведение широкомасштабных и систематических научных исследований региона за счет центрального правительства¹.

Необходимость всестороннего научного изучения Бурят-Монгольской АССР в 1920-х – начале 1930-х гг. имела под собой ряд причин. Основную роль играл геополитический фактор. Как и другие окраинные национальные автономии, Бурят-Монголия выполняла важную геополитическую функцию – транслировала в исповедующие тибетский буддизм и населенные монгольскими народами регионы Восточной и Центральной Азии положительный образ социалистических преобразований этнически и культурно родственного им народа. Во внешнеполитической доктрине СССР 1920-х гг. большое внимание уделялось перспективам экспорта пролетарской революции в Центральную Азию. Бурят-Монголии отводилась ключевая роль «плацдарма мировой революции на буддийском Востоке» [Елаев 2000: 186]. Эта формулировка геополитической доктрины большевиков позволила

сохранить национальную автономию в критический период 1924–25 гг., когда всерьез прорабатывались планы создания Ленско-Байкальской области, на основе экономического районирования включавшей в себя территории БМАССР, Иркутской и Забайкальской губерний [Плеханова 2010: 147–148]. Таким образом, геополитическая ориентация Бурят-Монгольской АССР на Монголию и «буддийский Восток» в сочетании с угрозой имплементации молодой республики в экономический мегарегион на скромных правах округа объясняет срочность, с которой руководство БМАССР задействовало все возможные рычаги воздействия на ситуацию.

В это же время в СССР наблюдалась стремительная актуализация научного изучения Монголии. В 1924 г. Внешняя Монголия выбрала социалистический путь развития и начала склоняться к геополитической орбите СССР. Однако образовавшийся за годы революции и Гражданской войны вакуум влияния в Монголии был частично заполнен опасными конкурентами – Китаем, Японией и США. В 1922 г. Американский музей естественной истории перенес на территорию страны работу своей центральноазиатской экспедиции под руководством Р.Ч. Эндрюса. В ответ СССР организовал в 1923 г. работу Монголо-Урянхайской геологической экспедиции И.П. Рачковского на западе Монголии и монголо-тибетской экспедиции П.К. Козлова, формально относившейся к РГО, но финансируемой СНК СССР. Весной 1925 г. при СНК СССР была организована Комиссия по научному исследованию Монголии, которая должна была централизованно

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

осуществлять экспедиции. По мнению В.В. Митина, целью этих действий была монополизация Советским Союзом научного изучения Монголии, предусматривавшая не только проведение комплексных исследований производительных сил и социально-экономической базы страны, но и удаление конкурентов политическим путем. Не случайно в 1925 г. деятельность американской экспедиции в Монголии была запрещена [Митин 2013: 35].

Актуализация изучения Монголии советскими учеными была выгодна обеим сторонам. Монголы получали помощь квалифицированных научных кадров и важнейшую информацию о своей стране, оставляли себе значительную часть экспедиционных материалов и научных находок. СССР закреплял свои идеологические и политические позиции в Монголии, оказывал формирующее влияние на ключевые институты монгольского общества — образование, науку, культуру и здравоохранение.

Для Бурят-Монголии важнейшими аспектами были этнокультурная близость с монголами и пограничное положение региона, предопределявшее ее роль в воздействии на «братскую страну». Поэтому в своих обращениях в Комиссию по научному исследованию Монголии при СНК СССР и в Академию наук СССР правительство БМАССР подчеркивало ее географическое положение как «краинной восточной автономной республики, прилегающей непосредственно к Монголии и имеющей с последней, помимо национального родства и общности языка, также много общего в других областях»¹. Говорилось и о практическом значении комплексного научного исследования Бурят-Монголии «в деле хозяйственно-экономического развития и советского строительства означенной республики»². В конце 1925 г. Комиссия по научному исследованию Монголии постановила включить БМАССР и Урянхай в сферу своей деятельности. С 1926 г. ее название изменилось — она стала Комиссией по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР [Митин 2002: 115].

На время оставив геополитический аспект, выделим другие причины, по которым руководство республики старалось привлечь к региону внимание АН СССР и органов высшей исполнительной власти страны. В письме председателя Госплана БМАССР в Академию наук СССР указывалось, что «Бурятия может быть без преувеличения названа совершенно не исследованной страной». Отмечалось, что два последних крупных исследования ее территории были выполнены во второй половине 1880-х — 1897 гг.³ Современных же исследований Бурятии в ее новых границах и актуальных данных по ней не существовало. Между тем, для решения насущных проблем была необходима актуальная информация, собрать которую возможно было только путем экспедиционной работы в отдаленных районах.

На первом плане, без сомнения, стояла проблема изучения человеческого потенциала региона. В письме председателя Госплана БМАССР говорится: «В области знаний о человеке мы стоим перед колоссальной важностью вопроса о так называемом вымирании туземцев, между прочим, бурят-монголов». Термин «вымирание туземцев» подчеркнут в оригинале. Указано, что со времен П.С. Палласа и И.Г. Георги серьезных научных исследований человеческого потенциала региона не проводилось, за исключением небольшой статьи Ю.Д. Талько-Гринцевича. Такие важные аспекты, как физическая конституция местных жителей, их трудоспособность и предрасположенность к тем или иным заболеваниям или труду, совершенно не исследовались. Незученными оставались и демографические процессы в регионе. В письме подчеркивалось, что создание кадрового потенциала республики невозможно без исследований в соответствующих областях⁴.

Детального изучения требовали широко распространенные в республике социальные заболевания, а также вопрос легализации в той или иной форме тибетской медицины. Система учреждений здравоохранения в тот период находилась в зачаточном состоянии, и

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 7, 7(об).

⁴ Там же. Л. 10.

альтернативные способы оздоровления населения заслуживали рассмотрения.

К слову, из всех учреждений исполнительной власти БМАССР именно наркомат здравоохранения раньше всех сформулировал и представил в Госплан предварительную повестку планировавшихся экспедиционных исследований по линии Комиссии. В первую очередь формулировалась необходимость выяснения причин катастрофически низкой рождаемости у бурят (3,6 на 1 000 чел. населения). Обосновывалась важность изучения причин детской смертности. Подчеркивалась необходимость исследования эндемических заболеваний бурятского населения, например зоба, глистных болезней и злокачественных новообразований. Специалисты Наркомздрава БМАССР заостряли внимание на необходимости изучения социальных заболеваний, прежде всего сифилиса и туберкулеза. Научного изучения заслуживали климатические особенности региона, геологические и бальнеологические особенности минеральных источников (Погроминского, Поперечинского, Селенгинского озера и т.д.)¹.

Финансирование научно-исследовательской работы стало камнем преткновения в переписке между Академией наук СССР, представительством БМАССР в Москве и органами исполнительной власти республики. Представители Бурят-Монголии полагают, что вся смета по обследованию республики будет проходить по госбюджету и по смете АН СССР. На это Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик отвечал, что в бюджете Академии наук такие средства не предусмотрены. Вся сумма должна быть включена в дотации, выделявшиеся Бурят-Монголии. Однако ученый секретарь АН СССР Б.А. Линденер заверял представителей республики в своей готовности всецело содействовать прохождению сметы и обещал прибыть в Москву на время ее рассмотрения, при необходимости вместе с академиком А.Е. Ферсманом².

В плане АН СССР на 1927 г. предусматривалось комплексное изучение насе-

ления Агинского аймака. В намеченные действия входили расологические, медико-санитарные и этнологические исследования, которые должны были выполняться тремя отрядами. В работу медико-антропологического отряда входило уточнение племенного состава населения (бурят, монголов, хамниган, русских казаков) и его распределения по территории аймака. Предусматривалось изучение физического типа населения, его расовой конституции, особенностей развития человеческого организма под влиянием окружающей среды, вопросов метисации (бурят и эвенков, бурят и русских), проблем материнства и младенчества, гигиены и питания и т.д. В планы этнологического отряда в основном входило изучение видов традиционного хозяйствования, вопросов землепользования, семейно-родового быта. Историко-культурный отряд должен был заниматься археологическими исследованиями в долине р. Онон³.

В ориентировочных планах научного исследования населения Бурят-Монголии на 1927–1931 гг. определялись принципы формирования научных экспедиций и сроки их работы. Обширная территория БМАССР была разделена на крупные обследовательские районы, состоявшие из нескольких аймаков. Так, выделялись Ангарский, Приграничный, Агинский, Удинский, Таежный и Байкальский районы.

Результаты работы научных отрядов нашли отражение в ряде публикаций конца 1920-х – начала 1930-х гг. Кроме того, обширные коллекции собранных материалов находятся на хранении в фондах центральных российских архивов и музеев. Так, в коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге хранится уникальное собрание фотоматериалов бурят-монгольской антропологической экспедиции 1931 г.

Экспедиция под руководством научного сотрудника Музея антропологии и этнографии АН СССР Г.И. Петрова работала в июле-августе 1931 г. в деревне Полканово Кударинского сельсовета Троицкосавского аймака БМАССР. В фокусе ее исследований были бурятско-русские метисы, образовавшие в резуль-

¹ Там же. Л. 21.

² Там же. Л. 33-35, 35(об).

³ Там же. Л. 101.

тате более чем 200 лет смешанных браков одно из крупнейших поселений метисов в республике [Хартанович 2011: 86–87]. Одной из задач антропологической экспедиции 1931 г. было опровержение теории о постепенном вырождении в результате метисации. По мнению главы экспедиции Г.И. Петрова, метисы «и крепче, и красивее своих производителей и отличаются завидной плодовитостью» [Хартанович 2011: 91]. Органы власти БМАССР намеревались изучить производительные силы населения аймака для использования в индустрии – в данном случае, на Чикойском кожевенном заводе.

Говоря об изучении проблемы вырождения коренного населения, нельзя не упомянуть работу обследовательских венотрядов Наркомздрава БМАССР и РСФСР в 1924–1931 гг., советско-германскую медицинскую экспедицию по изучению сифилиса 1928 г. и научную экспедицию Наркомздрава РСФСР и Деткомиссии ВЦИК 1929 г. по изучению состояния здоровья и заболеваемости детей в Бурят-Монгольской АССР. Они дали существенные результаты, отразившиеся в значительном числе научных публикаций, планировании и практическом осуществлении программы действий, направленной на искоренение сифилиса и других социальных болезней, оздоровление детей, уменьшение детской смертности и улучшение физических характеристик коренного населения.

Таким образом, научное изучение населения Бурят-Монгольской АССР в 1920-х – начале 1930-х гг. преследовало несколько целей, а его необходимость определялась рядом факторов, среди которых большое значение имели геополитические и евгенические аспекты. Руководство республики сумело вовремя распознать геополитический потенциал научного изучения Бурят-Монголии в связке с Внешней Монголией. Сумев пролоббировать включение Бурятской республики в

сферу деятельности Комиссии по научному исследованию Монголии при СНК СССР, М.Н. Ербанов и И.В. Ченкиров не только дополнительно обезопасили автономию бурятского народа, но и нашли возможности для изучения многих насущных проблем Бурят-Монголии в рамках государственной программы.

Низкая рождаемость, высокая детская смертность, повальное распространение социальных болезней среди бурят представляли угрозу если не самому существованию бурятского народа, то, во всяком случае, его геополитической функции «эталона» социалистической трансформации для монгольских народов Центральной Азии. Поэтому в научной повестке изучение евгенического потенциала бурят занимало столь существенную долю. Помимо доказательства положительных расовых характеристик бурят и различия метисов, уравнивавших их с русскими в оценке производительных сил, исследования евгенических особенностей коренного населения опровергали ряд гипотез, выдвинутых, прежде всего, германскими расовыми антропологами. Как ни парадоксально, именно евгенические исследования, подвергнутые остракизму в период сталинской реакции, способствовали выработке достойного научного противовеса нацистским теориям расового превосходства. Кроме того, в контексте бурятского нацистроительства они определенно сыграли положительную роль, способствовали быстрой социальной модернизации бурятского народа. Так, преданные анафеме в советский период и до сих пор не оформившиеся в России в полноценные научные дисциплины геополитика и евгеника помогли бурятскому народу сохранить автономию, улучшить свой человеческий потенциал и достичь значительных результатов в общественном развитии.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 14-06-00312).

Литература

- Елаев А. 2000. *Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение*. М.: Вестком, 352 с.
- Митин В. 2002. Из истории деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1920-е годы. – *Метаморфозы истории*, № 2. С. 106–128.
- Митин В. 2013. Наука и политика: советские ученые в Монголии в 1920–

1930-е гг. — *Вестник Псковского государственного университета*. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки, № 3. С. 34–40.

Плеханова А. 2010. Проект создания Ленско-Байкальской области: экономическая целесообразность, интересы национальной автономии или геополитический приоритет. — *Гуманитарный вектор*, № 3(27). С. 145–149.

Хартанович М. 2011. Бурят-Монгольская антропологическая экспедиция АН СССР 1931 г. — *Наука из первых рук*, № 3(39). С. 84–91.

УДК 94(470).084.5

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна —

к.и.н., доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

*195251, Россия, г. С.-Петербург, Политехническая ул., 29
oficernv@mail.ru*

АПАТИЯ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВЫБОРАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

APATHY AS A KEY STRATEGY IN LIFE OF URBAN POPULATION DURING ELECTIONS IN THE SECOND HALF OF THE 1920s

В первое десятилетие советской власти под влиянием складывавшейся однопартийной системы, общего ужесточения политического контроля, усталости населения от постоянных кризисов начала XX в. начала формироваться новая политическая культура. Первоочередной задачей власти было не допустить массового протеста населения, поэтому политический контроль во время избирательных кампаний, как и иных политических событий, занимал важное место в политике властей.

На основе источников, впервые вводимых в научный оборот, автор выделяет две типичные формы апатии советских избирателей: абсентеизм и пассивное поведение на выборах, а также их основные причины, вызванные организационными и репрессивными аспектами проведения избирательных кампаний и поведенческими особенностями советских граждан. К концу 1920-х гг. апатия избирателей из поведенческой реакции превращается в одну из основных жизненных стратегий.

Ключевые слова: *жизненные стратегии населения, апатия, абсентеизм, политический контроль, избирательные кампании*

In the first decade of the establishment of the Soviet regime in conditions of the developed one-party system, of the general tightening of political control, the fatigue of the population from permanent crises of the 20th century the new political culture has started its forming. High-priority task of the government was to prevent mass protests of population, so political control during election campaigns, as well as in the other political events, had an important place in the state policy.

Basing on sources, first introduced in scientific use, the author identifies two typical forms of Soviet apathy of voters: absenteeism and passive behavior in elections; analyzes their underlying motives, caused by institutional and repressive aspects of the electoral campaigns, as well as by behavioral characteristics of Soviet citizens. By the end of the 1920s voter apathy from behavioral response becomes one of the main strategies of their life.

Keywords: *life strategies of population, apathy, absenteeism, political control, election campaign*

Сложившийся в Советском государстве к середине 1920-х гг. однопартийный режим принципиальным образом изменил одну из важней-

ших политических практик — выборы в органы власти. Избирательные кампании ярко отражают восприятие обществом советской власти в целом. Главным